

Источник: Вокруг света

Дата выпуска: 2010

Номер выпуска: 04

Заглавие: Главное путешествие Антона Чехова

Автор: Д. Капустин

Ровно 120 лет назад, 21 апреля 1890 года, красивый и молодой Антон Чехов с дорожной фляжкой коньяка через плечо и револьвером Smith&Wesson в кармане прощался с родными и друзьями на Ярославском вокзале. Он отправлялся на «край географии» — на Сахалин и далее вокруг Азии.

Некогда один из биографов Чехова назвал его «человеком с кровью странника в жилах». И это очень верно. Родившись 17 января (29-го по новому стилю) 1860 года в вольном городе Таганроге, он ребенком любил глазеть на корабли и пеструю разноплеменную толпу в порту и мечтал о дальних походах. «В детстве у меня не было детства», — с горечью вспоминал писатель. На вывеске отцовской лавки, где Антоша с братьями должны были торчать с рассвета до полуночи, значилось: «Чай, кофе и другие колониальные товары» — казалось бы, знак связи с широким миром. Но постылая лавка с маленькими зарешеченными окошками больше походила на тюрьму, и единственным удовольствием там было чтение в свободные минуты. Даже не просто чтение, а соучастие в подводных плаваниях капитана Немо, в пленяющих воображение странствиях Ливингстона по Африке, приключениях русского «Миклухи-Маклая» в тропиках Новой Гвинеи. Особое влияние на юного Чехова оказал «Фрегат «Паллада» Ивана Гончарова. Оттуда он почерпнул любимую максиму: «Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать».

Жажда путешествий — это, конечно, состояние души. Но чтобы утолить ее, нужен был характер. Твердость характера Чехов проявил еще в юности. В 16 лет он с младшей сестрой остался «на хозяйстве» в Таганроге, когда отец с семьей сбежал от долгов в Москву. Антон сумел распродать остатки домашнего скарба, отослать вырученные рубли отцу, окончить гимназию и поступить в 1879 году в Московский университет. Именно он, хотя были два старших брата, Александр и Николай, стал опорой всей семьи, подрабатывая сочинением юморесок и рассказов для сатирических журналов.

После окончания университета ближние и дальние поездки становятся жизненной потребностью молодого доктора и литератора. В 1888 году вместе с сыном своего покровителя Алексея Сергеевича Суворина, издателя газеты «Новое время», он отправляется в первый раз за границу: из Феодосии через Новый Афон, Сухум, Батум и Тифлис в Бухару и Персию. Однако уже в Баку его спутника ждала телеграмма о смертельной болезни младшего брата, пришлось возвращаться. «Судьбе угодно было повернуть мои оглобли назад», — сетовал Чехов в письме другу, поэту Алексею Плещееву. Но увиденное по пути в Баку — «впечатления новые, резкие, до того резкие, что все пережитое представляется мне теперь сновидением» — только усилило жажду дальних странствий.

В том же 1888 году «коротким воплем» он откликается на неожиданную смерть Николая Пржевальского накануне его пятой экспедиции в Центральную Азию и Тибет — переводной статьей в «Новом времени». Размышляя о подобных «людях подвига» (Стэнли, Миклухо-Маклай, Ливингстон), Чехов утверждает, что для любого общества «подвижники нужны, как солнце», ибо они олицетворяют «высшую нравственную силу»: «Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг».

Цели и средства

Поездку на Сахалин и возвращение на пароходе вокруг Азии в Одессу в 1890 году Чехов планировал как единое путешествие на Восток. Главной целью был Сахалин. На уничижительный отзыв Суворина («что за дикая фантазия», «Сахалин никому не нужен и не интересен») Чехов резко ответил 9 марта 1890 года: «Сахалин может быть не нужным и не инте-

ресным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... Это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный». Узнав о задуманном, родные, друзья и знакомые наперебой отговаривали его от опасного предприятия, но Чехов был непреклонен. И только в обычной своей шуточной манере просил друзей перед отъездом «не поминать лихом», а в случае «утонутия или чего-нибудь вроде» делал (в письме Суворину) наследницей сестру Марию: «...она заплатит мои долги».

Вояж вокруг Азии мыслился развлекательным «контрастом» к первой, исследовательской, части маршрута. Писатель хотел посетить Японию, познакомиться с великими цивилизациями Азии — китайской и индийской, вдохнуть жар Аравийской пустыни, пересечь Индийский океан, проплыть недавно прорытым Суэцким каналом, побродить по Константинополю — наследнику древней столицы Византии.

Надо отметить, что по частям этот маршрут был уже освоен. Транссибирской железной дороги еще не существовало, но по Сибирскому тракту («самой большой и, кажется, самой безобразной дороге во всем свете») неслись экипажи с чиновниками и офицерами, тащились обозы переселенцев, брели партии каторжных. В Томске издавался даже путеводитель — сибирский «дорожник». Существовал и речной маршрут, по Амуру и Шилке, по которому сибирские купцы везли чай из Китая. Морской же путь из Черного моря до дальневосточных портов был проложен в 1880 году судами Добровольного флота.

Но Чехов, кажется, был первым, кто замкнул круг. Ехал он с «корреспондентским билетом» «Нового времени», но за свой счет. Издатель предоставил солидный кредит, а писатель обещал посылать путевые очерки в счет долг. Расходы же предстояли немалые. Одни только билет на пароход Добровольного флота стоил около 500 рублей, а, например, наем дома на Садово-Кудринской, где жила вся семья (ныне Музей А.П. Чехова), — 650 рублей в год. Кстати, семья сразу съехала из этого дома и к возвращению Антона Павловича сняла куда более скромный флигелек на Малой Дмитровке.

К своему главному путешествию писатель готовился основательно. В первоначальном списке ученой литературы, которую он считал нужным проштудировать, значилось 65 названий. К работе были подключены друзья и родственники: они слали атласы и редкие книги, делали выписки в библиотеках, делились советами.

Незадолго до отъезда Чехов писал Суворину: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских. Я хочу написать хоть 100-200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья». Однако Антон Павлович по обыкновению скромничал.

По Сибири

Дорога из Москвы на Сахалин «в 4500 верст» (4800 километров) заняла 81 день (включая 11-дневное плавание по Амуру) и была похожа на «тяжелую, затяжную болезнь». Чехов выбрал такое начало: поездом до Ярославля, пароходом по весенним разливам Волги («раздолье удивительное») и Камы («прескучнейшая река»), опять поездом через Уральские горы до Тюмени. А далее началось «конно-лошадиное странствие» с «полосканием в невылазной грязи» Западной Сибири, поломками и опрокидываниями тарантаса, «ужасными перевозами через реки» — Иртыш, Обь, Томь. Настроение Чехова и тональность его писем меняются с переездом в Восточную Сибирь: несмотря на «убийственную дорогу», здесь уже пьянит «обилием зелени» весна. «От Байкала начинается сибирская поэзия», — отмечает он и, переплывая «славное море», поражается: «... сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже».

Путешественник останавливался во всех крупных городах — Томске (город «скупной, нетрезвый»), Красноярске («я не видел реки великолепнее Енисея»), Иркутске («превосходный город... совсем европейский»). Менялись пейзажи, люди. «Китайцы начинают встречаться с Иркутска», а «с Благовещенска начинаются японцы, или, вернее, японки». И

далее в письме Суворину следуют подробности, не включенные ни Марией Павловной (публикатором шеститомника писем А.П.Чехова в 1912-1916 годах), ни «застенчивыми» редколлегиями советских «Полных собраний сочинений» писателя, пуще глаза оберегавшими иконо-образный облик классика: «Когда из любопытства употребляешь японку, то начинаешь понимать Скальковского, который, говорят, снялся на одной карточке с какой-то японской б...»

От Сретенска начиналось плавание по Шилке, а затем по Амуру. «Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии», — пишет Чехов друзьям. Тут он впервые в жизни попадает на территорию иностранного государства — Китая. В письме родным от 29 июня он пишет: «В каюте летают метеоры — это светящиеся жучки, похожие на электрические искры. Днем через Амур переплывают дикие козы. Мухи тут громадные. <...> 27-го я гулял по китайскому городу Айгуну. Мало-помалу вступаю я в фантастический мир».

Каторжный остров

11 июля пароход «Байкал» пересек Татарский пролив и к вечеру подошел к Александровскому посту на Сахалине. «Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга, — вспоминал Чехов. — Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической».

Антон Павлович практически с места в карьер принялся за работу. «Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано <...>, — писал он Суворину ровно через два месяца. — Я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения». Чехов не раз отмечал, что «видел все» на Сахалине, кроме смертной казни, и подчеркивал: «Сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации». Написание диссертации, думается, было-таки в тайных намерениях исследователя и путешественника. В его письмах тех лет неоднократно упоминаются две работы: П. Грязнов «Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда, 1880 г.» и В.И. Никольский «Гамбовский уезд, статистика населения и болезненности, 1885 г.». Похоже, по их образу и подобию строились медицинские исследования Чехова на «каторжном острове». Друзья даже пытались представить «Остров Сахалин» в качестве диссертации, но декан медицинского факультета Московского университета профессор Иван Клейн сделал на ходатаев «большие глаза». «Я сообщил о своих неудачах Чехову, который в ответ расхохотался, — вспоминал известный врач-невропатолог Григорий Россоломо. — С тех пор он окончательно оставил мысль об академической карьере». «Любовница» (литература) взяла верх над «женой» (медициной), как определял их взаимоотношения сам Чехов.

Труд о сахалинской каторге имел широкий резонанс в России, был замечен даже за границей. Но автор то радовался, то сетовал, что «книжка ни на что не пригодилась... никакого эффекта она не вызвала». В конце концов, он все-таки счел свой долг перед медициной исполненным и заключил: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат». Через два месяца трудов на острове Чехов перебрался с Северного Сахалина на Южный, ближе к океану, и стал готовиться к отъезду. 11 сентября Чехов в отчаянии сообщал Суворину: «Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на Луне — всюду холера, везде карантин и страх. <...> Одним словом, дело табак». Первоначальный план азиатского вояжа рушился.

«Я соскучился, и Сахалин мне надоел, — писал Антон Павлович матери 6 октября с Корсаковского поста. — ...Унылая жизнь. Хочется поскорее в Японию, а оттуда в Индию». Но в «чудесную страну» Японию Чехов не попал. После прибытия на Сахалин парохода «Петербург», на котором писателю предстояло плыть, стало ясно, что из-за продолжающейся эпидемии тот отправится в обратный рейс под желтым карантинным флагом и заходить бу-

дет лишь в четыре порта, оставшиеся открытыми, — Гонконг, Сингапур, Коломбо и Порт-Саид.

«Петербург» — добротное судно шотландской постройки — обладал вполне достойными мореходными качествами. Пароход покинул пост Корсаковский «четверть 1-го», в ночь с 13 на 14 октября, а уже 16-го бросил якорь в бухте Золотой Рог во Владивостоке. Здесь в городском полицейском управлении писатель получил заграничный паспорт на имя Antoine Tschechhoff для поездки «морским путем за границу». Во Владивостоке «Петербург» принял на борт 436 «нижних чинов» военного и морского ведомств, «при них жен — 7, детей — 19», а также немного «артиллерийского груза». «Классных пассажиров» было только двое — Антон Павлович Чехов и сахалинский миссионер иеромонах отец Иракий, «родом бурят». 19 октября, как записано в вахтенном журнале, «в 9 ч. 30 м. подняли якорь и дали ход».

Вокруг Азии

«Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг, — написал Чехов в «отчетном» письме Суворину 9 декабря 1890 года. — Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т. е. на людях (двухместная повозка с рикшей. — *Прим. авт.*), покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию (так в подлиннике. — *Прим. авт.*) инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?» Восхищение «колониальным оазисом», составлявшим резкий контраст с сахалинским «адам», не понравилось ваятелям канонического облика «интеллекта в пенсне». И в первом советском «Полном собрании сочинений» от чеховского пассажира осталось лишь первых полтора предложения.

Интересно, что Чехов, хорошо изучивший погодную карту региона по статье У. Шпиндлера «Пути тайфунов в Китайском и Японском морях», сумел предсказать задолго до поездки появление тайфуна, который действительно обрушился на пароход в Южно-Китайском море. Когда пароход бросало как щепку, то, как вспоминал много позже брат, Михаил Павлович, к Чехову «подошел командир «Петербурга» капитан Гутан и посоветовал ему все время держать в кармане наготове револьвер, чтобы успеть покончить с собой, когда пароход пойдет ко дну». На самом деле, как выяснилось из недавно найденных материалов, опасности большой не было, это был, скорее, «морской розыгрыш», «прикол» капитана-одессита (хотя и уроженца Эстляндии), прознавшего про чеховский Smith&Wesson.

Плавание по суровым дальневосточным морям, общение с командой и пассажирами, дружба с судовым доктором Александром Викторовичем Щербаком, заход в Сингапур (который Чехов «плохо помнил», потому что при осмотре местных достопримечательностей ему «почему-то было грустно» и он «чуть не плакал»), необычные похороны покойников в морской пучине—все это откладывалось в памяти писателя.

Кульминацией же 52-дневного морского путешествия вокруг Азии стал заход в Коломбо. Чехов осмотрел город и его окрестности, а на другой день отправился по железной дороге в старую ланкийскую столицу Канди. Ее главная гордость — храм Шри Далада Малигава, где хранится зуб Будды, извлеченный, по преданию, из золы его погребального костра. Однако в «кратчайшем отчете» Суворину Чехов отметил совсем другие достопримечательности: «Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индуской... и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь».

Но самое главное, здесь 12 ноября 1890 года «зачат был» «первоклассно хороший» (по отзыву Ивана Бунина) рассказ «Гусев» о смерти в корабельном лазарете отпускного сол-

дата. Чехов дописал рассказ в пути и опубликовал в рождественском выпуске «Нового времени» 25 декабря 1890 года.

Возвращение

«От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки», — вспоминал Чехов. В качестве значительного происшествия в судовом журнале 20 ноября отмечено крещение «младенца женского пола», родившегося накануне у Авдотьи Новоселовой, жены «бессрочноотпускного матроса Сибирского экипажа».

Настроение Чехова поменялось лишь при виде библейских мест: «Глядя на Синай, я умилялся». Признание несколько неожиданное, если учесть, что писатель в детстве получил религиозное воспитание, но в зрелые годы отношения его с верой были сложными. Впрочем, он взял в путешествие нательный крестик, который отец писателя специально заказал для этого случая, и иконку Спасителя, которой благословила его перед отъездом жена Суворина, Анна Ивановна. Эти обереги Чехов провез с собой вокруг Азии, а потом бережно хранил всю жизнь.

26 ноября 1890 года писатель прибыл в Порт-Саид — четвертый и последний иностранный порт на пути домой. Согласно судовому журналу, «Петербург» бросил якорь напротив знаменитой башни маяка в 2:30 ночи, а уже в 15:15 того же дня снялся с якоря. Тем не менее пассажиры успели поутру сойти на берег и запастись сувенирами. Чехов приобрел фотографии с видами Суэцкого канала, «чернильный прибор и два подсвечника в египетском стиле», до сих пор стоящие на столе писателя в Ялте. 1 декабря «Петербург» подошел к Одессе, но из-за метели и тумана вахтенные не смогли разглядеть входных огней порта. Только наутро судно встало на якорь у Платоновского мола. Через три дня обсервации, то есть карантина, «все пассажиры и бессрочноотпускные» были «сданы» на берег. Вечером того же дня Чехов сел на скорый поезд в Москву. Его огромный багаж — 21 место — был набит материалами поездки и сувенирами. Кроме того, как писал Антон Павлович старшему брату Александру, он «привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангусами» (мангустами). Эти любопытные зверьки, купленные на Цейлоне, своими шкодами еще долго доставляли удовольствие, а потом и проблемы всей семье Чеховых. В конце концов они были подарены Московскому зоопарку.

Несмотря на то что первоначальную программу выполнить не удалось, Чехов был доволен поездкой. В день приезда в Москву он написал «собрату по перу» Ивану Леонтьеву (Щеглову): «Доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия. — Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне».